

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

КИСЛЕВ - ТЕВЕТ 5773

ПЕТРОЗАВОДСК
N 173

ДЕКАБРЬ 2012

НЕ ГЛЯДЯ В КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

"И послал их Моше высмотреть землю Кнаан, и сказал им: "Поднимайтесь здесь, на юг, и взойдите на гору. И высмотрите страну, какая она, и каков народ, обитающий в ней, - силен он или слаб, малочислен или многочислен. И какова земля, на которой он живет, - хороша она или плоха, и каковы города, в которых он обитает, - в открытых станах или в крепостях они живут. И какова земля - тучна она или тоща, есть на ней деревья или нет. Крепитесь и возьмите от плодов земли..."

А вот и отчет членов экспедиции об увиденном: "Пришли мы в страну, кудаты нас послал, и впрямь течет она молоком и медом, и вот ее плоды. Но могуч народ, обитающий на земле, и есть там города укрепленные, очень большие, и также детей великанов мы видели там".

До сих пор - только факты. Можно подвергнуть сомнению их достоверность, но не в этом главная вина разведчиков. Выслушаем же их до конца: "Земля, по которой прошли мы, чтобы высмотреть ее, это земля, пожирающая своих обитателей, а весь народ, который мы видали на ней, - люди высокорослые. И были мы в наших глазах как кузнецики, и такими были мы в их глазах".

Попробуйте, не читая дальше, найти в сказанном уязвимое место, лишние и странные слова.

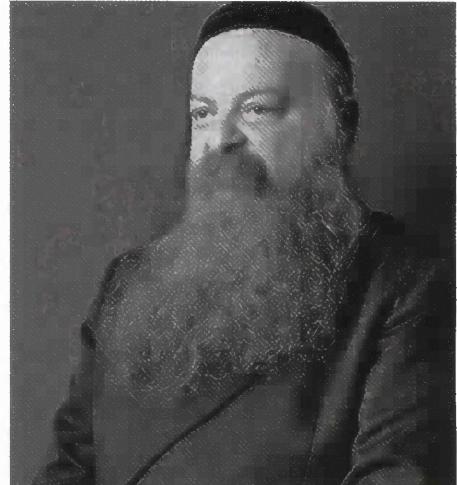
Да, возможно, жители той земли были весьма рослыми, может быть даже гигантами. Да, возможно, разведчики, глядя на них из кустов или из-за угла, чувствовали себя маленькими и слабыми, "кузнецами". Но откуда им было знать, как они сами выглядели в глазах великанов?!

Речь-то идет о разведгруппе, успешно выполнившей свою задачу на территории противника. Великаны их вовсе и не видели, а тем более не видели их подобными кузнецами. И еще, и это куда важнее: почему наших героев интересует, как они выглядят в глазах великанов?

В мидраше "Ялкут Шимони" мы читаем: "Сказал Вс-вышний: 'Слова 'и были мы в наших глазах как кузнецики' Я бы еще простил им, но почему они говорят 'такими были мы в их глазах'? Откуда им знать, какие мысли о них вложил я в сознание великанов?"

И все же, несмотря на этот риторический вопрос, мудрецы утверждают: разведчики знали, о чем говорят, - они действительно показались местным великанам если и не кузнецами, то уж точно "мелочью пузатой", прожорливыми насекомыми, муравьями в виноградниках страны, текущей молоком и медом. Вот только не был этот оптический эффект (уменьшение видимых размеров человека до размеров муравья) правильно понят.

А понят он должен быть так: есть у человека (а в нашем случае и у целого народа) два облика: один - объективный, второй - субъективный. Мы - то, что видят в нас Вс-вышний. Это объективная картина. Но мы и то, что видят в нас люди, а уж людям видят каждый по-своему. Одному я кажусь исполином, другому - козявкой. Мы идем сквозь строй народов, как сквозь комнату с кривыми зеркалами (помните, в парках культуры и отдыха?). Монстры, глядящие на нас из кривых зеркал, - не мы, а карикатура на нас.

Но если мы вглядываемся в эти зеркала, искренне надеясь разглядеть там свое подлинное Я, то сами становимся ходячими карикатурами. Итак, короткая, но ставшая для нас подлинной трагедией, история о разведчиках учит нас несложным, но неоценимно важным вещам: человеку - и народу - свойственно желание взглянуть в зеркало, посмотреть на себя со стороны. Перед ним две возможности - выяснить, что он представляет собой в глазах других людей и народов или сверить себя с Законом, с Торой (то есть посмотреться в зеркало Вс-вышнего). В первом случае судьба его предрешена. Тот, для кого решающим является впечатление, которое он производит на других, навеки останется кузнецом в глазах окружающих. Ему не разорвать порочный круг; чем больше он будет смотреться в кривое зеркало, тем больше будет похож на козявку. Тот, кто найдет в себе силы изо дня в день смотреться в зеркало Торы, не заглядывая угодливо в глаза людей, имеет шанс однажды увидеть свое настояще лицо.

Александр Фейгин
[http://www.anthro.net/library/
f Feigin/zerkalo.html](http://www.anthro.net/library/f Feigin/zerkalo.html)

Владимир Жаботинский

Речь в обществе распространения просвещения между евреями в Одессе (1910 г.)

Как относиться к идеи ассимиляции еврейства? Все зависит от обстоятельств, от эпохи и потребностей, выдвигаемых эпохой. Есть моменты, когда ассимиляция представляется безусловно желательной, когда она есть необходи́мый этап прогресса. Это можно видеть даже на примере отдельного человека. Представьте себе ребенка с задатками живописца. В будущем, конечно, желательно, чтобы живописец был вполне индивидуален, вполне самобытен в своем творчестве. Но начинать с самобытного творчества нельзя: воспитание художника по необходимости начинается с усвоения чужого опыта, с подражания чужим образцам - словом, с "ассимиляцией". Только по завершении этого этапа возможно здоровое развитие своеобразных начал, заложенных в природе художника. Это самое применимо и к целому народу в тот момент, когда он впервые (или после большого перерыва) выступает на поприще гражданской самодеятельности. Как ни сильны, даже как ни ценные были бы его специфические, индивидуальные, "национальные" отличия, как бы пышно ни предстоило им развиться в будущем, но начать он должен все-таки с подражания готовым образцам, с копирования, с "ассимиляцией". Этую стадию прошел и такой огромный, самостоятельный народ, как русские: было время, когда даже дворянские барышни, вроде пушкинской Татьяны, умели писать только по-французски.

С евреями в России повторилось то же самое. Когда изменившиеся условия жизни вызвали распад патриархального гетто, и детям его пришлось вмешаться, волей-неволей, в окружающую столицу, им, прежде всего, необходимо было овладеть тем оружием борьбы за существование, которое называется современной культурой. Это естественным образом заставило нарождавшуюся еврейскую интеллигенцию с жадностью наброситься на языки окружающей среды. При этом ею руководило далеко не стремление порвать с еврейством, а на-против - в основе тогдашнего "ассимиляционного" течения лежали ясные и определенные побуждения национального интереса. Яркий памятник того настроения нарисован Левандой в романе "Горячее время". Герой этого романа - "просветитель", действующий в Вильне, в эпоху непосредственно перед 1863 годом, когда на Литве начиналась борьба двух культур - русской и польской. Свой выбор он останавливается на первой не из внутренних симпатий (обе ему чужды), а из холодного расчета: этот шаг, по его мнению, более соответствует интересам еврейства, как третьей нации, очищавшейся между двумя станов. Правильно ли решила герой Леванды этот вопрос или нет - дело не в том; но важно установить, что ассимиляция в ту эпоху была и объективно, и в глазах ее деятелей не отречением от еврейства народа, а напротив - первым шагом еврействской национальной самодеятельности, первой ступенью к обновлению и возрождению нации.

В эту эпоху возникло общество распространения просвещения. Заслуги его пред еврейством огромны - именно потому, что создатели его поняли основную нужду эпохи и пришли ей на помощь. Основной нуждой эпохи было - открыть еврейству доступ к европейской культуре, внушить ему любовь и интерес к этой культуре. Это и стало задачей общества. Никакой другой задачи у него тогда и быть не могло. Смешно было бы в то время (общество учреждено было в 60-х годах) потребовать, чтобы оно "насаждало" еврействскую культуру: еврействская культура тогда и без того насаждалась, хотя нерационально, хотя напрекор всем правилам педагогики и даже гигиены, но в таком обильном количестве, что не нуждалась ни в каких поощрениях извне. Наоборот, к европейской культуре и ее ближайшему проводнику - русскому языку - существовало еще пренебрежительное и враждебное отношение, и приходилось с великим трудом добиваться, чтобы рядом с национальными элементами воспитания уделалось хоть какое-нибудь место общеобразовательным предметам. Такова была эпоха, такова была ее нужда, и такова должна была быть ее основная идея, воплотившаяся в "обществе просвещения".

Но с тех пор прошло полвека, и многое, слишком многое резко изменилось как вне, так и внутри еврейства. Главным образом внутри. Если взять верхний и даже средний слой теперешнего российского еврейства и сравнить его с поколением шестидесятых годов, нам представится картина совершенно обратная. Смешно, теперь "насаждать" жажду к просвещению: она у евреев так сильна, напор в гимназии, в университете, в институте так ревит, что в этом отношении никакие "общества" ничего при-

бавить не могут. Русский язык распространен так основательно, что черта оседлости считается одним из лучших районов русского книжного сбыта. Публичные библиотеки, лекции, театры посещаются евреями с беспримерным рвением. При этих условиях делать и дальше из идеи "просвещения" боевой лозунг значило бы ломиться в открытую дверь. Если что теперь нуждается в заботах "насаждения", то это, в силу диалектической игры судеб, еврейская культура, еврейские начала в воспитании подрастающих поколений. Ибо от этих начал остались одни лохмотья. Доказывать, что это правда, что национальный элемент воспитания у высших и средних классов еврейства давно уже в загоне, - значило бы тоже ломиться в открытую дверь. Кто не знает, кто не видит? И не со вчерашнего дня это началось. Поэт Гордон, один из лучших деятелей просветительской эпохи, еще в 1862 г. воспевавший на языке Библии - преимущества русского языка, уже в начале 70-х гг. с горестным разочарованием заметил, что его последователи и ученики в своем усердии забежали слишком далеко. "Братья мои, просветители, стали пренебрегать старой матерью, - написал он тогда в стихотворении "Для кого я журкую?", - они провозглашают: покиньте этот дряхлый язык, и пусть каждый сольется с наречием своей страны... А сыновья наши? Они с детства становятся на чужды. Вот они подвигаются вперед, с каждым годом, и кто знает предел? и кто знает доколе? Быть может, до черты, откуда нет возврата" ... Так на глазах еще у первых поколений "просветителей" совершилась метаморфоза: первоначальная идея - усвоить чужое, чтобы затем с новой силой разывать свое - выродилась в стремление ликвидировать свое и бесследно раствориться в чужом; ассимиляция из фактора национального прогресса стала фактором национального распада. А ведь со дня, когда вождь того поколения "просветителей" написал эти горькие слова разочарования, прошло 40 лет, и процесс распада проник еще гораздо глубже. И должно же, наконец, еврейство дать себе ответ: желает или не желает оно продолжать линию распада? "Сыновья наши с каждым днем уходят - быть может, к той черте, откуда нет возврата" ... Горькое пророчество давно стало правдой. На еврействской ниве не осталось интеллигентных работников: наша интелигенция в громадном большинстве ушла. Можно различным образом понимать нужду еврействского народа, различным образом представлять себе идеал его будущности, начиная с сионизма и кончая полной денационализацией; но и для первой, и для последней цели надо, прежде всего, работать с народом и для народа. Прежде там понимали свою задачу и ассимиляторы: они жили с народом, волновались его заботами, трудились для него и, проповедуя свой идеал, все же стояли обеими ногами на реальной почве еврейства. А теперешние - просто уходят в сторону, просто бросят на произвол судьбы: пропадайте, мол, сами, как знаете. И масса, покинутая в своем тупике, в ла-

бинироне своего бедствия, бьется, мечется и не видит исхода: ей нужны просвещенные вожди, так нужны, так необходимы, как никакому другому народу на свете, а между тем, ее просвещенные дети служат на народам на свете, только не ей. Нет работников ни для какого еврейского дела, от большого до самого малого, старые устают и сходят со сцены, а новых не видно. И мы знаем стариков, поседевших на службе ассимиляции, которые со скорбным недоумением смотрят на эту надвигающуюся пустоту и горько спрашивают себя: - Для этого мы работали? Для того, чтобы из ассимиляции родился индифферентизм?! Думаю, что на этот горький вопрос правда жизни откликается горьким ответом: да, вы для этого работали. Ибо для того, чтобы из подрастающих поколений выходили работники для еврейства, надо преданность еврейству положить в центр и основу их воспитания. Окружающий мир слишком прекрасен, привлен и богат по сравнению с не-приглядностью и бедностью еврейского существования: и для того, чтобы эта красота не сманила человека, не соблазнила его отвернуться от родной лачуги, нужно развить в его душе прочные, нерасторжимые идеальные связи. Этих связей не создать одними словесами. Чтобы сковать такие связи, надо распахнуть перед подрастающим поколением все то величие и красавице, что есть в еврействской скромности: ввести в нее, провести по всем ее углам, растолковать ценность каждой жемчужины, научить дорожить и гордиться. Красоте, манившей извне, надо противопоставить собственную красоту, чтобы не выпускать на житейскую улицу санкционотов, убежденных в нищете и никчемности своего народа и спасающихся, куда глаза глядят. Углубление в национальные ценности еврейства должно стать главным, основным, преобладающим элементом еврействского воспитания. Это необходимо не для того, чтобы потешить националистов. Это необходимо для того, чтобы удержать на еврействской ниве ее разбегающиеся пахарей, чтобы еврействская масса не осталась без руководителей, еврействское дело без работников, "народ Книги" - страшная ирония судьбы - без интеллигенции! "Уходит за черту, откуда нет возврата" ... Почему уходят? Почему уходят, особенно в последнее время, такими густыми массами, с такой циничной легкостью, без намека на колебания, на сожаления, выбрасывая балласт еврейства, словно ненужный песок, по первому требованию невзгоды? Почему? Кто виноват? Кто довел до этой черты?.. Мне пришло недавно писать об этом новом "бытовом явлении" еврействской современности, и после того я получил несколько писем от молодых людей, перешагнувших туда, "откуда нет возврата". Письма были разные, были и грубые, и циничные, и грустные, но во всех, без исключения, на первом плане стоял один и тот же довод: что нам еврейство? Мы о нем ничего не знаем, нас никто не учит понимать и любить его: ничего удивительного, если мы ушли. - И они совершенно правы. Ничего удивительного. Что мы посыпали, то и покажали...

ЖАБОТИНСКИЙ Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880, Одесса, - 1940, Нью-Йорк) - писатель, поэт и публицист; писал на русском, иврите и французском. В раннем детстве получил традиционное еврействское образование. Один из лидеров сионистского движения, идеолог и основатель ревизионистского течения в сионизме.

С женой и сыном

Еврейская муга Набоковых

22 февраля 2012 в госпитале в Монтрё на берегу Женевского озера на 78 году жизни скончался Дмитрий Владимирович Набоков, сын известного писателя Владимира Владимировича Набокова (1899-1977 г.) и Веры Евсеевны Набоковой-Слоним (1902-1991 г.) - переводчик, оперный певец, литератор, автогонщик. Ушел из жизни, не оставил наследников...

Родился Дмитрий Набоков в Берлине в мае 1934 года. С приходом к власти Гитлера семья вынуждена была уехать из Германии... В 1951-1955 годах Дмитрий изучал в Гарвардском университете гуманитарные предметы, в основном литературу и историю. После окончания поступил в консерваторию в Кембридже по специализации вокал (бас). Оперный певец, выигравший конкурс молодых певцов вместе с Лучано Паваротти, в 1961 году дебютировал вместе с ним в опере Дж. Пуччини "Богема". Покинул оперную сцену в 1982 году. Преподавал русский язык. Увлекался сквоулазингом и автоспортом, принимал участие в автогонках до 1965 года. Приобрел известность как издатель и литературный переводчик на английский язык произведений своего отца. Создал Фонд американских друзей музея Набокова. Участвовал в радиоспектаклях по произведениям отца. Подготовки к печати и выпустил многие посмертные издания сочинений Набокова. Дмитрий впервые посетил Россию в 1995 году.

В апреле 2008 года Дмитрий Набоков объявил, что нарушит завещание отца, который повелел уничтожить свой последний неконченный роман под рабочим названием "Подлинник Лайры. Умирать смешно", и собирается издать произведение, которое более 30 лет хранился в одном из швейцарских банков. Издание было успешно осуществлено, роман вышел на русском и английском языках в 2009.

А теперь о родителях Дмитрия Набокова.

Вера Слоним родилась в Санкт-Петербурге в состоятельной еврейской семье, принадлежащей к высшему обществу. Она научилась читать в три года. В Петербурге она получила прекрасное образование - гуманитарии науки ее английскому и французскому языкам. Оказавшись вынужденно в 1920 году с семьей в Берлине (у отца-еврея, юриста по образованию, в СССР не было перспективы серьезной работы), Вера помогала отцу в созданном им издательстве "Орбис" - основном источнике доходов семьи.

А Владимир Набоков, закончив в 1922 году Кембриджский университет, в 1923 году переезжал в Берлин, где продолжала издаваться после смерти отца его газета "Руль". В мае того же года на kostюмированном балу Владимир танцевал со стройной девушки в полумаске. Он узнал ее по осанке и огромным иудейским глазам, которые не могли скрыть маска. Он ранее встречал ее в издательстве "Орбис". Это была Вера Слоним... Молодой, симпатичный и уже заметный поэт, Владимир без труда покорил ее сердце. Евсей Слоним, отец Веры, не был в восторге от такой партии для дочери. Но Вера была девушкой своеобразной, совета отцовского не спрашивала. Однажды Вера и Владимир пришли поужинать к ее родителям и Вера, как бы невзначай, проговорила: "Нынче утром мы поженились". Это было в 1929 году. в 1934 году у них родился сын Дмитрий.

Женитьба на еврейке для выходца из русской аристократической семьи Владимира Набокова был естественным и даже концептуальным поступком.

Ведь начинающий писатель был сыном того самого Владимира Дмитриевича Набокова - автора знаменитой статьи о Кишиневском погроме, одного из ведущих защитников прав угнетенных евреев Российской империи и, увы, погибшего от рук экстремистов-черносотенцев в 1922 году в Берлине. Набоков-отец всю жизнь боролся против юдофобии. В этом сын шел по стопам отца. Однажды писатель с женой отправился отдохнуть на юг Франции. Там, в маленькой гостинице, которую держал отставной русский генерал, Набокову почудился дух антисемитизма. Несколько дней подряд писатель настойчиво читал лекции генералу о значении евреев в русской жизни. После чего, при упоминании самим Набоковым имени Андре Жида генерал строго отчитал писателя: "В моем доме прошу не выражаться".

Еврейская тема, так или иначе, проходит через все творчество Набокова. Именно его перу принадлежат тонкие художественные исследования русско-еврейских и иудео-христианских отношений и особенно любви и брака между евреями и неевреями ("Дар", 1938). Именно Набоков одним из первых в поэзоэпической литературе заговорил прямым текстом и во весь голос о грядущих попытках отрицания и фальсификации Холокоста ("Образчик разговора, 1945"). Именно ему принадлежат, быть может, самые пронзительные строки о жертвах нацистских концлагерей, о Катастрофе. В качестве исследователя еврейской памяти после Катастрофы Набоков в послевоенной литературе не знает себе равных. В романе "Пнин", возможно, впервые в поэзоэпической литературе делается попытка взвесить неизмеримые потери еврейского народа на сломанных весах мировой истории.

Присутствуют в набоковской прозе и евреи-персонажи. Примерами еврейских и иудейских тем изобилует роман "Дар". Узнаваема описанная Набоковым картина самодовольного русского антисемитизма. "Антисемитизм опасен еще и тем, что он часто бывает завуалирован риторикой, приятной для слуха интеллигентов и патриотов", - писал Набоков в одном из своих писем другу детства. Беды и чаяния народа-изгнанника были близки и понятны Владимиру Набокову. Он был вписан фашистами в предвоенном Берлине в список подлежащих уничтожению еврейских художников, онбежал из Европы с еврейской женой и евреем-сыном в 1940 году, его близкие и друзья погибли в нацистских концлагерях...

Вера Набокова всегда помнила о своих корнях. Представляясь в немецких фирмах, она, начиная с 1933 года, всегда указывала, что она еврейка, даже если ее не спрашивали об этом. Принципиальная во всем, она во многом закалила характер Набокова и

в значительной мере повлияла на мировоззрение писателя, на дух не переносившего любые проявления юдофобии и нацизма.

Многие считали, что Вера Слоним "выиграла чемпионат среди писательских жен" - была критиком, секретарем, переводчиком, слушательницей, литературным агентом, редактором, душеприказчиком. Сам Набоков считал ее своим двойником, человеком, созданным по одной с ним мерке. "Без моей жены, - заметил однажды писатель, - я бы не написал ни одного романа". Так или иначе, но в течение 52 лет, которые они прожили вместе, жено писателя Вера Набокова, урожденная Слоним, была самой влиятельной фигурой в его жизни, в том числе и в творческой. На протяжении полувека Вера была не только женой, спутницей жизни и сердечным другом Набокова, но и его секретарем, корректором, критиком, советчиком и музой всего, что он написал. Она была отложенным механизмом, поддерживающим Дар Набокова. Вера давала ему ощущение стабильности и основательности жизни. Она даже поддерживала Владимира в его увлечении на протяжении всей жизни коллекционированием и изучением бабочек (хранятся в ряде музеев мира).

Многие литературоведы уверены, что именно благодаря влиянию Веры произведения Набокова обрели качество, сделавшее его выдающимся писателем XX столетия. Она сделала все для того, чтобы его литературный гений стал известен всему миру, и спасла от уничтожения рукопись "Лолиты" - пару раз Набоков в порыве раздражения порывалась то скжечь ее, то выбросить в мусоропровод.

В период преподавания Набокова в Корнельском университете, Вера приходила с ним на каждую лекцию. Одной рукой она поддерживала его под локоть, в другой несла стопку книг. Он называл ее своим ассистентом. Вера помогала ему во всем, иногда даже принимала за него экзамены. Подсказывала ему во время занятий - если Владимир забывал цитату, она молниеносно подсказывала. Обладая уникальной памятью (наизусть знала "Евгения Онегина" и многое другое), Вера всю жизнь выручала мужа.

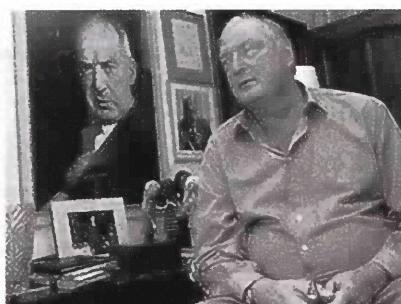
О них ходили слухи и легенды. Например, соседи Набоковых постоянно видели за письменной машинкой Веры. Это порождало слухи, что пишет романы именно она, а не Набоков.

Вера пережила мужа на 14 лет. Наверное, она рассердилась бы, узнав, что на ее могиле напишут: "Жена, муга, литературный агент". Она скорее чувствовала себя его тенью.

Дмитрий Набоков вспоминал, что отношения родителей - это отношения двух удивительно тонких и одаренных людей, и что на его кругозор огромное влияние оказало воспитание мамы.

А бы иносказательно заметил, что для такого капризного, неорганизованного, но исключительно одаренного "ребенка", как Владимир Набоков, Вера еще была "а идише мамэ".

Компилияция Льва Хороша

Дмитрий Набоков

Вера

За работой

Вера и Владимир Набоковы

«Зот Ханука»

Мириам Китросски

В день "Зот Ханука" уместно спросить, в чем же суть этого праздника, "май ханука", как формулирует этот вопрос Талмуд (Шабат (216). Если мы прочтем ответ на этот вопрос, нас может удивить, что Талмуд ничего не рассказывает нам о славной военной победе, о "чудесном избавлении и спасении", о которых мы говорим в молитве, - только о чуде горения масла! Давайте задумаемся вообще о том, что такое чудо.

Я, конечно, хочу рассказать здесь о том, как представляет себе чудо уже не раз цитировавшийся мною Элизер Беркович. Наставая на том, что важно, чтобы присутствие Б-га в истории было скрыто, поскольку иначе человек не будет свободен, а значит, и ответственен за свои поступки, Беркович все же признает возможность, а порой даже и необходимость чуда. Вс-вышний, утверждает Беркович, сотворил мир с определенным замыслом. "Сотворив человека как существо, которое нуждается в духовной, интеллектуальной и этической свободе для того, чтобы осуществлять свое предназначение, Вс-вышний "пшел на риск" (Б-г, Человек и история, гл. 14). Этот "риск" заключается в том, что из-за действий человека может не осуществляться Божественный план - в первую очередь это касается выживания народа Израиля. Для того, чтобы обеспечить выполнение этого плана, приходится иной раз прибегать к чуду. "Чудо - это один из способов, которым Б-г гарантирует задуманный Им окончательный результат... Порой, когда проваливаются человеческие деяния, чудо может оказаться единственным способом исправить положение... Нужда в чуде происходит из степени необходимости для истории свободы. Когда неправильно используемая свобода угрожает перейти границы рассчитанного риска, на который пошел Творец, свобода Вс-вышнего может потребовать остановки этого вторжения..." (там же)

Это представление о чуде вполне подходит к чуду военной победы Хануки, чуду Пурима - ко всем "историческим" чудесам. Но вот чудо горения масла совсем не было нужно для осуществления Божественного замысла. "Границы рассчитанного риска" нужно защищать, когда речь идет о выживании - физическом или духовном - Израиля. Но он может выжить и без чуда горения масла. Как же мы можем понять, в свете теории чуда Берковица, почему Талмуд так настаивает на чуде горения масла?

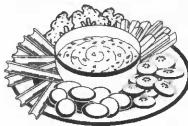
Другое место Талмуда (Йома 29а), говоря о событиях Святка Эстер как о "конце чудес", тут же выражает: "Но ведь была еще и Ханука!" Да, действительно, события Хануки - это первое чудо после периода Танаха, когда Вс-вышний еще приоткрывал нам завесу и иногда "позволял себе" чудеса. Теперь же начинается уже история в полном смысле слова - и в этот момент очень важно сказать нам, что Всеобщий не бросил мир на произвол судьбы. Чудо горения масла предназначено для того, чтобы сказать нам, что чудеса будут продолжаться и после того, как период более или менее видимых чудес закончился. Ведь военные победы - это не такие беспорные чудеса. Люди всегда могут объяснять их отвагой воинов, наследием Наполеона, "стечением обстоятельств". Поэтому Талмуд заявляет, что суть Хануки - это продолжение чудес, это свидетельство того, что "Бог не оставит Яакова, пока не сделает того, что сказал ему" (Берешит 28:15), даже если для этого придется применить крайнюю меру - чудо.

Чудо Хануки - это весть не только для евреев. В пост-бibleйский период именно жизнь еврейского народа демонстрирует всем, что Б-г по-прежнему управляет историей. Чудо еврейского выживания, символизируемое чудом горения масла Хануки, заявляет это всему миру на все времена, и в этом кроется одна из причин вечности народа Израиля.

**Еврейская община имеет честь поздравить
с Днем рождения
ДАВИДА ЗАХАРОВИЧА ГЕНДЕЛЕВА
и пожелать здоровья, радости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**

**Еврейская община имеет честь поздравить
с Днем рождения
ЯКОВА НАУМОВИЧА БРАВОГО
и пожелать здоровья, радости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**

Наша кухня

Латкес картофельные

2 яйца, 3 ст. тертого отжатого картофеля, 4 ст. тертого лука, 1 чл. перца, 2 ст. муки из мацы (или муки), куриный жир для жарки.

Сбейте яйца и смешайте их с остальными продуктами. Разогрейте в сковороде масло и выкладывайте тесто на нее столовой ложкой. Жарьте латкес с обеих сторон, пока не поддумятся. Подавайте горячими с растительным маслом.

Тертый лук можно заменить тертым, яблоком. В этом случае не добавляют перец. Можно приготовить латкес совсем без лука и без яблок. Если нет мацовой муки, ее можно заменить обычной мукой.

Суфганийот

1 пачка творога, 2 ст. муки, 2 яйца, 2 ст. сахара, ч.л. соли, сода на кончике ножа.

Все продукты тщательно перемешать. Из полученного теста скатать длинную колбаску и разделить ее на небольшие лепешечки. Из каждого кусочка теста скатать шарик. Суфганийот жарить в большом количестве разогретого растительного масла до получения золотистой корочки. Готовые суфганийот по желанию посыпать сахарной пудрой или наполнить повидлом с помощью кулинарного шприца.

Латкес из мацы

1,5 листа мацы, 3 яйца, 1 чл. соли, 4 ст. растопленного куриного жира, 1,3 ст. муки из мацы, жир для жарки.

Размочите, мацу в холодной воде, воду слейте, а мацу разотрите в кашицу. Сбейте яйца вместе с солью, добавьте все остальные продукты, перемешайте, разогрейте на сковороде жир и жарьте в нем латкес. Выкладывайте тесто столовой ложкой, жарьте с двух сторон, пока не поддумятся.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

СЕРДЦЕ ГЛУПЦОВ - В ИХ УСТАХ,
НО УСТА МУДРЕЦА - В СЕРДЦЕ ЕГО

Бен Сира

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ФЕДОРОВУ Иду Львовну

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!